

ИНТЕРВЬЮ В ТРИ ПРИЕМА

Беседа с Алексеем БАТАЛОВЫМ

Послышался звон стекла, с грохотом упала выбитая рама, и в окно влетел человек, висящий на разноцветной грозди шаров. Под крики челяди он пронесся по кухне, на какую-то секунду застыл в воздухе и, выпустив свои шары, плюхнулся прямо в роскошный торг, вокруг которого только что суетились поварята...

— Ну, как получилось? — раздался сверху знакомый голос.

Алексей Баталов стоял на лесах, на семиметровой высоте. Оказалось, он занимался технической стороной полета продавца воздушных шаров.

После этого дубля объявили перерыв, и свои первые вопросы я задал Алексею Баталову здесь же, во «дворцовой кондитерской».

— Этот вопрос может прозвучать странно, особенно теперь, когда вы уже заканчиваете съемки. Почему вас привлекли именно «Три толстяка» Олеши?

— Эта книга мне нравится с детства. (Надо сказать, я старше этой вещи всего на два года). В какой-то степени будущая лента — дань собственному детству, плата по векселю, выданному много лет назад.

Я до того реально видел книгу Юрия Олеши, что мне захотелось показать ее моей десятилетней дочери. Конечно, за годы я сам и мой взгляд на это сочинение переменялись. Менялся замысел и в процессе работы сначала над сценарием, потом над картиной... Но я надеюсь, мне удастся воссоздать для дочки и ее сверстников часть моего детского видения....

— В качестве режиссера вы снимаете свой второй фильм. Обе ваши картины — экранизации. Что вы можете сказать об экранизациях вообще и об их месте в современном кино?

— Кино родилось вовсе не от литературы. Оно, как известно, родилось от фотографии. Правда, с самого начала кинематограф пользовался литературными сюжетами, но в юности он обладал столь определенным собственным языком, что сочинения были для него не более чем поводом, толчком вдохновения. Потом, когда «великий немой» заговорил, он вроде бы обвенчался с литературой. И она, как сварливая, старая жена, стремилась убить все самобытные холостяцкие черточки его характера. Родились скучнейшие экранизации, такие ожившие сочинения с похожими героями. Ценность таких картин определялась не кинематографичностью, а скорее внешней похожестью на подлинник, словно семейная фотография. И вот кинематографисты, некогда свободные, гордые, всемогущие люди, превратились в каких-то просителей у даурей литературных салонов. Конечно, я сейчас утрирую. Разумеется, большое кино шло своей собственной дорогой. И я не вижу антагонистических противоречий между кино и литературой. Литература никогда не станет чужда кинематографу. Но он должен выбраться из-под ее диктата, чтобы стать хотя бы таким же самостоятельным, как театр. Ведь театр вовсе не брезгует инсценировками, но даже самая лучшая из них не может соперничать с хорошей пьесой.

— Разрешите в таком случае задать вам конкретный вопрос. При написании сценария и во время постановки фильма сколь точно вы придерживались литературного оригинала?

— Нам пришлось многое изменить. Однако до сих пор мы ощущаем себя в плену сочинения Олеши. Перевод литературного сочинения на язык кино — вещь

очень обманчивая. Ты можешь быть точным и совершенно уважительным по отношению к оригиналу, а кинолента все равно у тебя не получится. Наверное, когда берешься за экранизацию, следует сразу решать, кому ты служишь — кинематографу или самолюбию писателя.

На этом, увы, кончился перерыв.

На другой день, когда я снова проник в знакомый мне четвертый павильон, Баталова не было ни на лесах, ни на самой площадке. Ассистенты и осветители готовили кадр.

Неожиданно из другого конца павильона до меня донесся смех. Пробравшись кое-как через лабиринт темных декораций, я увидел троих смеющихся. Они одновременно запускали крутиться волчком деревянные обручи и ревниво следили, чей дольше все упадет. Вот эта троица: вильнюсская школьница Лина Бракните, ленинградский школьник Петя Артемьев и заслуженный артист республики Алексей Баталов.

Девочку и мальчика увели примировать, и тут же, в углу четвертого павильона, состоялся мой второй разговор с Алексеем Баталовым. Я спросил его о только что виденном.

— В таком искусстве, как кино, дети почти всегда украшение. Они простые и совершенно безупречны. В нашем искусстве юные артисты как бы часть самой достоверности.

В достоверности — необычайная сила детей, и в ней же заложен некий подвох для режиссера и партнера. Малейшее несовпадение твоего замысла с индивидуальностью, а порой даже с настроением ребенка моментально разоблачает не его — он непогрешим, — а тебя, постановщика или актера.

— Раз уж мы коснулись в определенном аспекте актерской проблемы кинематографа, кого вы лично предпочитаете снимать — собственно киноактеров или артистов театра?

— Я считаю, что такой классификации не существует. Есть актер. При наличии таланта приспособить человека к специфическим условиям не представляет трудностей или, точнее, эти трудности — чисто технические, они не выступают в творческие проблемы.

Кино по сравнению с театром обладает и отрицательными качествами и некоторыми преимуществами. Так, кинематограф лишен длительного периода репетиций. Но ведь это даже не «специфика», а скорее беда кино.

Кинематограф обладает большими возможностями скрывать пороки актеров. А иной раз может вылить в актере что-то такое, чего на театре не видно. Кино может поймать и зафиксировать неповторимую импровизацию, случайное везение...

Но точно так же кино способно и разоблачать очень жестоко, обнажая промахи, небрежность артиста, которая на сцене в силу удаленности остается незамеченной.

В истории, пожалуй, нет примеров, чтобы хороший театральный актер плохо играл в кино...

— А наоборот?

— Наоборот — я просто не знаю. Но школа актера — это театр. То, что проявилось на подмостках, всегда можно использовать в кино. Наугад назову несколько превосходных наших актеров, попавших в кинематограф таким образом: Игорь Ильинский, Фаина Раневская, Вера Марецкая, Николай Симонов, Иннокентий Смоктуновский...

В третий раз моим собеседником оказался даже не сам Алексей Баталов, а его отражение. Явно мешая гримеру, я заглядывал в зеркало. На моих глазах Баталова превращали в отважного и ловкого канатоходца Тибула.

— Ваша работа над картиной уже подходит к концу. Напрашиваются ли у вас какие-нибудь выводы?

— Да. И целых три. Первый — экранизация весьма неверная почва для постановки фильма. Второй — в кино следует работать как можно реже. И третий — никогда не надо играть в своих собственных картинах.

Когда я записывал эти слова, Алексей Баталов, уже одетый и загримированный, спешил на съемочную площадку, чтобы играть в собственной экранизации.

Б. АЛЕШИН.
(АПН).

Московский Комсомолец, 1968, 12 мая